

Глава 1

Родиться янбаном — стать чиновником

Образ чиновника на портретах

Идейной основой государства Чосон на протяжении пяти веков оставалось неоконфуцианство, и система управления страной и обществом выстраивалась согласно этому учению. Политическим идеалом основателя династии вана Тхэчжо (태조, прав. 1332–1398) и последующих правителей-ванов была абсолютная монархия, ставившая своей задачей заботу о жизни подданных¹. Помогать правителю управлять страной и строить идеальное государство должны были чиновники-янбане, подтверждавшие право участвовать в управлении страной путем сдачи экзамена на получение должности. Экзамен проверял знание конфуцианского канона и умение решать государственные задачи на основе конфуцианской системы.

Идеология сформировала образ правильного подданного на всех уровнях социальной пирамиды и в первую очередь представителя привилегированного янбанского сословия. Большинство янбанов владели землей и были связаны с государственной службой, то есть являлись служилыми землевладельцами. Мужчина благородного происхождения не был обязан служить, но государство стимулировало желание привилегированного сословия занять должность чиновника: если в роду четыре поколения мужчин не сдавали экзамен и не служили, семья могла лишиться янбанского статуса и соответствующих привилегий. Кроме того,

служба оставалась вопросом влияния, статуса и чести рода, а для небогатых янбанов — средством к существованию, поэтому превратилась в важнейшую составляющую жизни привилегированного сословия. Идея о том, что служба — это долг мужчины благородного происхождения, сформировалась под влиянием учения Конфуция, который говорил, что благородный муж должен служить правителю и на благо государства: «Благородный муж идет на службу, дабы выполнить свой долг...»²

Само понятие *янбан* (양반) подразумевает, что государственная служба была обязательным условием особого положения в обществе. Слово «янбан» буквально переводится как «две группы», потому что с начала правления династии Ли вести дела в государстве правителю помогали две группы чиновников. Гражданские чиновники во время совещаний сидели по правую руку правителя, на восточной стороне, поэтому их называли «восточная группа», а военные, соответственно, по левую руку, на западной, и называли их «западная группа». Для обозначения обеих групп стали использовать слово «янбан». До XVI века янбанами называли преимущественно людей, состоявших на государственной службе, а после это название распространилось на всех представителей знатных семей, вне зависимости от принадлежности к чиновничеству. Янбанов также называли *садэбу* (사대부). Изначально это понятие использовали для янбанов-чиновников четвертого ранга и выше, а после так стали называть мужчин привилегированного сословия в целом.

Для прославления заслуг перед государством, назидания и формирования образа достойного служащего по указанию правителя придворные художники писали портреты «заслуженных чиновников» *консин* (공신), посвятивших свою жизнь служению правителю и государству. Портреты «заслуженных чиновников» рисовали на больших свитках в двух

Рис. 4. Портреты гражданских чиновников XVII–XIX вв.

Национальный музей Республики Корея, Сеул

экземплярах: одну копию хранили во дворце, где проводили церемонии почитания духа чиновника после его смерти, а вторую передавали портретируемому или его семье, где свиток хранился в особом павильоне. Таким образом, портрет не только был памятью о выдающемся государственном деятеле, но и выполнял назидательную функцию, способствуя воспитанию преданных правителю и верных долгу служащих.

Тип портрета «заслуженного чиновника» сформировался в начале правления династии Ли. Сохранилось немалое количество образцов таких произведений, все они выполнены по единому шаблону. Портреты представляют собой большие вертикальные свитки; герои часто преклонного возраста, написаны в полный рост, лицом к зрителю или слегка развернуты вправо. Они одеты в официальный наряд чиновника, состоящий из объемного шелкового халата *таллён* (단령) темно-синего или темно-зеленого цвета с нагрудным отличительным знаком *хюнбэ* (흉배), сообщающим, какую должность занимал чиновник, головного убора *само* (사모) черного цвета и кожаных сапог или туфель. Отличительным знаком чиновника также был пояс *кактэ* (각대), надеваемый поверх халата на уровне хюнбэ. Изображены сановники на таких портретах сидя на стульях с подставкой для ног. Стулья накрыты шкурой леопарда — знаком особого расположения правителя. Ваны традиционно дарили чиновникам шкуру хищника в знак признания заслуг перед государством. Все герои нарисованы на незаполненном фоне, в нижней части портрета иногда изображены циновка или ковер.

Пожилых чиновников, посвятивших жизнь служению государству, прославляет второй тип портрета — погрудный, выполненный на память о том, что чиновник был членом ведомства Киросо (기로소), созданного с целью чтить высокопоставленных служащих, достигших семидесяти лет. В Киросо для пожилых чиновников устраивали торжественные

**Рис. 5. Ким Хондо. Жизнь Модан Хон Исана
(восьмистворчатая ширма). 1781 г.**

Шелк, краски, 75,1 × 39,4 см (размер одной створки).

Национальный музей Республики Корея, Сеул

собрания и праздники с угощениями и музыкой, а придворные художники рисовали альбомы со сценами торжества и их участниками.

Ряд портретов сановников на горизонтальных свитках сопровождается колофонами, написанными их современниками или представителями последующих поколений. В колофонах авторы, наряду с заслугами и вкладом героев в развитие страны, отмечают выдающиеся достоинства, такие как честность, верность, желание служить народу и правителю, справедливость, великодушие. Особенно подчеркивается непреклонность героев перед лицом трудностей и испытаний, их сравнивают с горой — символом постоянства, вечнозеленой сосной, стойко переносящей непогоду и холод, — символом непреклонности, Полярной звездой, которая служит ориентиром для людей.

Жизненный цикл янбана-чиновника

Несмотря на то что живопись эпохи Чосон создала целую галерею портретов выдающихся чиновников своего времени, она мало рассказывает о жизни и быте конкретных героев. В XVIII веке зародился сюжет *пхёнсэндо* (평생도), повествующий об образцовом янбане-чиновнике. Пхёнсэндо (букв.

«изображение жизненного цикла») — это 8–10-створчатые ширмы со сценами из жизни добившегося высокого положения, почета и процветания янбана (рис. 5). Профессиональные и народные художники со второй половины XVIII века создавали такие произведения для заказчиков из разных социальных групп. Сохранилось по меньшей мере двадцать шесть образцов ширм пхёнсэндо, что говорит о популярности сюжета. Ширмами украшали интерьеры домов, они служили наставлением, образцом подражания для молодежи, а также воплощением надежд семей на процветание³.

На каждой створке ширмы изображали отдельную сцену, представляющую важный этап в жизни героя: празднование первого дня рождения, вступление в брак, гулянья по случаю сдачи экзамена на получение государственной должности, сцены службы на посту чиновника, празднование шестидесятилетия супружеской жизни. Незначительно варьируется количество изображенных человек, элементов, но общая композиция сцен повторяется.

Отправной точкой ширм пхёнсэндо, по всей видимости, стало произведение кисти уже упомянутого знаменитого придворного художника Ким Хондо, написанное в 1781 году (рис. 5). Общепринятым является мнение, что художник представил восемь сцен из жизни крупного государственного деятеля Хон Исана (홍이상, 1549–1615), предка вана Чончжо (정조, прав. 1776–1800) по материнской линии. Хон Исан был выходцем из обедневшего рода, но благодаря своим способностям смог дослужиться до высокого чина при дворе вана Сончжо (선조, прав. 1567–1608) и принца Кванхэгуня (광해군, прав. 1608–1623).

Кроме личного успеха на государственной должности, Хон Исан заслужил уважение качествами настоящего конфуцианца, почтением к старшим членам семьи, которым также отличалась его супруга. Дети, внуки и правнуки этого сановника

один за другим успешно сдавали экзамен на получение государственной должности, а в XVIII веке, в период создания произведения, его род был одним из самых влиятельных в стране: при правлении вана Ёнчжо (영조, прав. 1724–1776) потомок Хон Исана в седьмом колене Хон Понхан (홍봉한, 1713–1778) занимал пост главного государственного советника и был доверенным лицом правителя, а его дочь госпожа Хегён, также известная как королева Хегён (혜경궁, 1735–1816), стала женой наследного принца Садо (사도세자, 1735–1769) и родила будущего вана Чончжо.

Ширму, возможно, создали по заказу последнего с целью отдать дань уважения предку, благодаря выдающимся достижениям которого род процветал. Можно также предположить, что ван хотел продемонстрировать исключительность рода Хонов, а также обосновать привилегии, которыми Хоны пользовались при дворе. Такое предположение подкрепляет факт, что под его руководством в 1793 году было составлено «Семейное древо рода Хон Исана»⁴, а Хон Понхан издал сведения о жизни Хон Исана и его сочинения.

За основу ширмы «Жизнь Модан Хон Исана», как считается, художник взял серии изображений сцен из жизни Будды (팔상도), Конфуция (공자성적도) и хорошо известного в государстве Чосон танского генерала Го Цзы-и (697–781)⁵, служившего образцом конфуцианского семейного благочестия⁶. По всей видимости, Ким Хондо не стремился к исторической точности в деталях и просто вписал героя в современный ему быт.

Сегодня исследователи сомневаются, что произведение посвящено Хон Исану, однако это не меняет того факта, что ширма повествует о жизни чиновника-янбана. Именно поэтому предлагаю на ее основе с привлечением дополнительных образцов документальной живописи реконструировать основные этапы жизни чиновного сословия. Ширма местами

плохо сохранилась, поэтому для наглядности в тексте будем обращаться к прорисовке, размещенной на отдельной странице сайта Национального музея Республики Корея*.

Первый день рождения и важность продолжения рода

Повествование о жизни Хон Исана начинается со сцены празднования *толь* (돌) — первого дня рождения. Годовалый главный герой представлен в окружении родителей, родственников и домочадцев (рис. 6, слева). Центральные действующие лица расположились под крышей большого дома, остальные домочадцы и слуги наблюдают за происходящим, стоя во дворе. На террасе *мару* (마루), застеленной циновками, у круглого столика изображен нарядно одетый мальчик — именинник (рис. 6, справа). Сложно сказать, кто именно окружает ребенка, но предполагают, что молодая женщина, сидящая чуть позади и одетая в синюю шелковую юбку и короткую

Рис. 6. Ким Хондо. Жизнь Модан Хон Исана (первая справа створка). 1781 г.

Слева полностью, справа фрагмент (прорисовка)

* Реконструированная цифровая версия ширмы представлена на сайте Национального музея Республики Корея: <https://www.museum.go.kr/life/web-ko/index.html>.

кофточку *чогори* (저고리), — это мать ребенка. Женщина постарше, расположившаяся ближе к столу и придерживающая столик, — это няня. С другой стороны стола изображены отец и младший, но уже женатый член семьи, из-за спины которого выглядывает другой ребенок. Мужчины одеты в повседневные халаты янбанов, на головах — широкополые шляпы *кат* (갓), основной предмет гардероба, указывающий на принадлежность к привилегированному сословию. Из открытого окна за сценой наблюдает дед — старший член семьи — в высоком домашнем головном уборе ученого мужа, курящий длинную трубку.

Отметим, что курительные трубки встречаются на ширме и в целом в жанровой живописи повсеместно. Жители Корейского полуострова познакомились с табаком в начале XVII века, и уже к середине столетия курение стало обыденным занятием, причем курили представители обоих полов и даже дети, поскольку считалось, что табак исключительно полезен для организма. Именно поэтому ван Чончжо обязал сановников придумать, как приучить население к курению и вместе с этим искоренить практику чрезмерного употребления алкоголя. Изначально трубки были короткими, но к XVIII веку янбане и богатое население стали курить трубки, доходящие до полутора метров в длину. Закурить такой прибор человек самостоятельно не мог, для этого нужен был слуга, который также носил трубку за хозяином и ухаживал за ней. Постепенно курительная трубка, а конкретно ее длина, стала показателем статуса и достатка человека. Отец и тем более дед Хон Исана едва ли могли курить табак — изображение курительных трубок здесь исторический ляп и подтверждение факта, что Ким Хондо вписал жизнь Хон Исана в современную для него Корею второй половины XVIII века.

Взгляды собравшихся обращены в сторону мальчика; одной рукой ребенок открывает книгу, а в другой держит кисть

для письма. Художник изобразил кульминационную сцену празднования первого дня рождения — ритуал *тольчаби* (돌잡이), во время которого ребенку предлагали сделать выбор из разложенных перед ним различных предметов. Считалось, что это предскажет его склонности и судьбу. Мальчики выбирали из следующих предметов: книга, тушечница, бумага, кисть, печать, нитки, рис, деньги, лук для стрельбы. Если ребенок брал предмет, связанный с чтением и письмом, это означало, что он будет прилежен в учебе и добьется успехов на государственной службе. Если мальчик брал в руки лук, верили, что он будет талантлив в военном деле. Рис символизировал достаток и здоровье, деньги — отсутствие нужды, нитки — долголетие. Девочкам во время тольчаби предлагали на выбор нитки, линейку для шитья, отрез цветной ткани, ножницы и пр.

В Китае, откуда пришел обычай тольчаби, чтобы проверить характер ребенка, к правильным предметам добавляли и «недостойные», такие как игрушки, безделушки. Если ребенок выбирал «недостойный» предмет, это могло означать, что в будущем он будет подвержен соблазнам и не блеснет достоинством и умом. В Корее судьбу не искушали и раскладывали перед ребенком только «правильные» предметы, причем набором предметов пытались заранее сформировать предпочтения малыша. Ученый муж, чиновник Ли Мунгон (이문건, 1494–1567), автор «Записок о воспитании ребенка» (양아록, 1551–1566), в которых описаны рождение и детские годы его внука, отмечал, что лично отобрал для внука предметы, сулящие успешную карьеру чиновника и процветание (брусок туши, лук, рис, печать), и радовался, когда мальчик во время церемонии брал их один за другим по очереди⁷.

Какой предмет Хон Исан выбрал во время церемонии тольчаби, неизвестно, но художник вложил ему в руки кисть и книгу как символ карьеры гражданского чиновника — наиболее

Рис. 7. Тольтти, поясок для именинника. Начало XX в.

Государственный этнографический музей Республики Корея, Сеул

предпочтительный вариант для представителя янбанского сословия.

Помимо предметов для тольчаби, на круглом столе можно увидеть миску с вареным рисом — символ чистого сознания и духа, а также тарелку со сложенными горкой рисовыми пирожками *сонпхён* (송편) как пожелание достатка. На стол ставили и тарелки с плодами, содержащими большое количество семян, желая ребенку в будущем обзавестись множеством наследников, а также лапшой, своей длиной символизирующей долголетие.

Наряд мальчика воплощает надежды родителей и членов семьи на благополучие. Ребенок одет в специально подготовленную для празднования кофточку *сэктонкори* (색동거리), на рукавах которой вставки из цветных полосок *сэктонмун* (색동문), символизирующих гармонию *инь* и *ян* (음양), и пять первоэлементов (дерево, огонь, земля, металл, вода). На талии ребенка завязан поясок *тольтти* с вышивкой. На таких поясах матери и бабушки вышивали иероглифы «жить», «счастье», «долголетие», «большое количество сыновей», а также оленей, черепах, журавлей, пионы, бамбук, гриб бессмертия, сосну и другие символы процветания и долгих лет жизни (рис. 7). К пояску привязаны два мешочка, куда насыпали зерно, клали волосы счастливых стариков старше восьмидесяти лет, снова желая ребенку достатка и долголетия⁸. На мешочках тоже вышивали благопожелательные символы.

На голове ребенка надета шапочка *кулле* (굴레), или *тольмочжа* (돌모자), завязанная на большой бант под подбородком. Такие шапочки шили из шелка, украшенного вышитыми пионами, лотосами, иероглифами «долголетие», бусинами и пр. Шапочки надевали на первый день рождения девочек и мальчиков, дети носили их до возраста трех-четырёх лет⁹.

Во дворе дома собрались женщины разных возрастов с детьми, чтобы посмотреть на церемонию тольчаби. У открытой калитки изображена возвращающаяся домой девушка-служанка с большим тазом на голове. По всей видимости, она разносила рисовые пирожки *тток*, которыми было принято угощать соседей в честь празднования первого дня рождения ребенка. В ответ соседи дарили деньги, рис, катушки ниток, желая долгой и счастливой жизни имениннику.

Помимо домочадцев и слуг, во дворе находятся собака, петух и курица с цыплятами. Курица и петух с большим количеством цыплят изображены как пожелание семейного счастья имениннику, рождения в дальнейшем большого количества наследников. Петух, кроме прочего, символизировал успех на службе, так как высокий хохолок птицы ассоциировался с головным убором высокопоставленных чиновников при китайском дворе. Изображение петуха также служило своего рода оберегом, защищающим дом от злых духов, поскольку люди верили, что своим криком рано поутру он распугивает нечисть, разгуливающую под покровом ночи.

Собака справа тоже изображена неслучайно. Собаки сторожили дом и символизировали защиту от злых духов по принципу омонимии: иероглиф «собака» омонимичен иероглифу «защищать». Иероглиф «защищать» также омонимичен иероглифу «дерево», поэтому изображения собаки под деревом приклеивали в доме для защиты от злых духов¹⁰. Спокойное животное добавляет умиротворенности

семейному празднику. Вся сцена наполнена атмосферой радости и безмятежности.

Первый день рождения ребенка праздновался с разной степенью размаха в зависимости от возможностей семьи. При этом остальные дни рождения, кроме шестидесятилетия, не предполагали отдельных церемоний. Важность этого дня в жизни семьи связана с обязанностью продолжения рода и высокой младенческой смертностью. Женщина благородного происхождения производила на свет в среднем пять детей, но до взрослого возраста нередко доживал лишь один ребенок. В эпоху Чосон даже в богатых семьях и семьях правителей смертность в младенческом возрасте была высокой. Например, из четырнадцати детей вана Ёнчжо четырехлетнего возраста достигли только пятеро¹¹.

Высокая младенческая смертность формировала различные верования, связанные с надеждой оградить ребенка от болезней, помочь окрепнуть. В дом с новорожденным не пускали посторонних, пока ребенку не исполнится двадцать один день, чтобы избежать инфекций. До года ребенка показывали только самым близким родственникам, о здоровье малыша молили трех богинь Самсин. Когда младенцу исполнялось сто дней, готовили рисовые пирожки *тток* и угощали соседей. В цифре 100 нет особой символики, кроме того, что ребенок прожил целых сто дней, то есть много. Первый день рождения дарил надежду, что ребенок доживет до взрослого возраста, поэтому его отмечали всей семьей. В рождение ребенка вкладывалась не просто надежда, что род не прервется или ребенок прославит семью, — наследник был гарантом, что за духами умерших членов семьи будет присмотр. Люди верили, что духи имеют «обратную связь» с живущими и оказывают влияние на жизнь потомков, поэтому о духах родственников до четвертого колена нужно было заботиться¹². В семьях привилегированного сословия несколько раз в месяц проводили *чеса* (제사) — обряд

Рис. 8. Кофточка сэктонкори. Начало XX в.

Государственный этнографический музей Республики Корея, Сеул

почитания духов перед ритуальными табличками, а также несколько раз в год — церемонию на могилах¹³. В домах янбанов нередко возводили отдельный павильон *садан* (사당) для хранения поминальных табличек, в которых, согласно верованиям, постоянно или временно присутствовала одна из составляющих духа предка. Главный садан страны — это храм предков Чонмё, где ваны почитали духов умерших правителей, их жен и выдающихся государственных деятелей.

До XVII века при отсутствии сына в семье чеса могли проводить и для дочери. Позднее ритуалы стали обязанностью старшего сына, и горе той семье, в которой его не было, поскольку корейцы верили, что в таком случае, как писал В. Л. Серошевский (1858–1945), побывавший в Корее в начале XX века, «душа покойника, лишенная поминок и молитв, мучается и блуждает беспокойно по земле, лишенная возможности успокоиться в “царстве теней”, где проживают счастливицы, имеющие поминателей, и где они кормятся приносимыми им постоянно жертвами»¹⁴.

Корейцы верили, что счастливый предок, для которого нашли счастливую могилу и которому проводят ритуалы, гарантирует процветание роду. Путешественник Н. Г. Гарин-Михайловский (1852–1906) писал, что корейцы были «заняты

выше головы своими покойниками»¹⁵ и «добрая часть Кореи была в могилах»¹⁶, так как корейцы истово верили, что «удачным выбором могилы могли найти, как клад, свое счастье, и тогда не надо ни образования, ни ума, ни способностей»¹⁷. Но если за духом не ухаживают, он начинает вредить живущим.

В особенности о рождении наследника пеклись старшие члены семьи, которые уже чувствовали опасность остаться без поминателя в скором будущем. В этом отношении интересны мольбы уже упомянутого Ли Мунгона: он писал в дневнике, как надеялся, что родится внук и проживет хотя бы до возраста вступления в брак, ведь это даст надежду на продолжение рода и на то, что его дух и духи предков будут под присмотром¹⁸.

Если после нескольких лет брака в семье не рождался сын, женщины и старшие члены семьи молили о помощи Будду и бодхисатв в буддийских храмах, Нефритового императора — верховное божество даосского пантеона, духов гор, богинь Самсин, обращались к шаманам и даже в конфуцианские школы-храмы *совоны* (서원), где были павильоны для почитания выдающихся конфуцианских деятелей.

Семьи без наследников горевали, что некому будет о них заботиться после смерти и не обрести им вечного покоя. По этой причине распространилась практика усыновления в семьях, и обычно усыновляли сыновей родственников. Случалось, что семья была вынуждена отдать своего единственного сына старшему бездетному наследнику рода по решению его главы. Сохранилась история о Юн Понгу (윤봉구, 1683–1767) и его супруге. Долгое время у них не было детей, но, когда жене было уже почти сорок, родился мальчик, в котором мать «души не чаяла». Однако сына не было и у старшего брата Юн Понгу, поэтому супругов вынудили послушаться главу рода и отдать своего сына в дом старшего брата. Родная мать, оставшись без малыша, скрывала свои чувства, чтобы

не стать объектом критики главы семьи, но в итоге заболела и умерла¹⁹.

В первый день рождения было принято дарить ребенку земли и крепостных²⁰, что снова говорит о важности этого события для семьи. А отец или дед, стараясь повлиять на будущие пристрастия ребенка, дарили собственноручно переписанные книги конфуцианского канона.

Традиции первого дня рождения сохраняются и по сей день, кульминацией праздника остается церемония тольчаби. Набор предлагаемых ребенку на выбор предметов меняется в зависимости от семьи. Так, родители, бабушки и дедушки могут предложить ребенку стетоскоп в надежде, что он станет врачом, микрофон, чтобы стал звездой К-рор, компьютерную мышь, судейский молоток или футбольный мяч.

Женитьба

На второй створке ширмы представлен следующий важный этап в жизни героя — женитьба. Художник изобразил не саму свадебную церемонию, а праздничную процессию жениха в дом невесты: молодой Хон Исан — жених едет верхом на лошади по улице города в компании родственников и помощников (рис. 9, слева).

Согласно книге ритуалов «Ли цзи» («Записки о правилах благопристойности») — одному из главных произведений канонической литературы конфуцианства, «брак — это союз двух семей, заключающийся с целью почитания предков и продолжения рода»²¹. Кроме того, с точки зрения конфуцианского государства брак являлся основой поддержания порядка в обществе. Он не был вопросом выбора, но считался обязательным этапом в жизни человека. Правитель мог наказать семью, в которой оставалась незамужняя дочь старше тридцати лет, поскольку считалось, что неосуществленные мечты девушки о женихе распространяли неблагоприятную

Рис. 9. Ким Хондо. Жизнь Модан Хон Исана (вторая справа створка). 1781 г.
 Слева полностью, справа фрагмент (прорисовка)

энергетику, способную нарушить гармонию в государстве²². Это вынуждало семьи прятать незамужних женщин старше тридцати от чужих глаз, что, в принципе, было возможно, ведь посторонним вход на женскую половину дома был запрещен.

Не вступившие в брак мужчины и женщины воспринимались как нежелательные члены общества, не считались взрослыми. Неженатый мужчина должен был оказывать знаки почтения женатым, даже если они младше по возрасту. Холостяков было легко распознать по прическе, так как они не имели права завязывать волосы на макушке в пучок *сантху* (상투) и должны были ходить с косой (см. по ссылке в примечаниях альбомный лист Ким Чунгына (김준근, годы жизни неизвестны) «Мужчина, завязывающий волосы в пучок сантху»²³). Незамужним девушкам также запрещалось собирать волосы в пучок, а полагалось носить косу. После смерти неженатым, как не исполнившим сыновний долг перед родителями, не полагались могильный холм, поминальные ритуалы чеса, и их имена не записывали в генеалогическую книгу²⁴.

Средний возраст вступления в брак в эпоху Чосон для янбанов составлял 16–20 лет. При этом допустимым брачным возрастом для мальчиков считались 15 лет, а для девочек — 14. Если один из родителей был болен или старше 50 лет, допускалось заключение брака детей с 12 лет.

Хон Исан женился в 21 год, то есть довольно поздно по меркам того времени. Заключить брак быстрее не позволяло тяжелое финансовое положение семьи. Подготовка к свадебной церемонии требовала серьезных трат, недостаток средств мог стать существенным препятствием. Расходы на проведение свадебной церемонии детей бедных аристократов или детей, оставшихся без родителей, иногда брал на себя правитель.

Родители могли обсудить женитьбу детей задолго до их вступления в брачный возраст — сохранилось множество подобных историй. Так, Ли Кванчжик (이광직), однажды проходя мимо дома своего друга Ким Манги (김만기, 1633–1687), старшего брата известного писателя Ким Манчжуна (김만중, 1637–1692), услышал плач ребенка. Узнав, что у Ким Манги родился сын, он предложил в невесты свою месячную дочь, и друзья решили поженить отпрысков, когда те подрастут. Ли Кванчжик скончался за три года до свадебной церемонии, но брак все равно состоялся, когда детям было по семнадцать²⁵.

Активную роль в поиске пары играли матери и бабушки. Чиновник и интеллектуал Хон Сокчу (홍석주, 1774–1842) оставил воспоминания о том, как ему выбрали супругу:

Моя бабушка однажды поехала на свадьбу в дом своей сестры, где увидела родственницу шести лет, будущую госпожу Ли. Девочка ей очень понравилась умом и похвальным поведением, бабушка посадила ее к себе на колени, задавала вопросы; девочка, отвечая, не сделала ни одной ошибки. Бабушка запомнила смышленного ребенка и через шесть лет отправила предложение о свадьбе. Семья госпожи Ли хотя и была королевских кровей, но отец семейства

не смог сдать экзамен на получение должности, поэтому жили они бедно. И ответ на предложение заключить брак был такой: «Наш дом — это дом бедного сонби. Как можно нам поженивать детей?» Но мой дед, Хон Наксон, поехал в дом госпожи Ли и сердечно предложил приехать к нам. Отец госпожи Ли, Ли Ёнхи, не смог отказаться, приехал к нам, где увидел, как я читаю. Вернувшись к себе, Ли Ёнхи сказал жене: «Жених хороший, думать здесь не о чем». Было нам тогда с моей супругой, госпожой Ли, по двенадцать лет²⁶.

Часто янбане прибегали к помощи свах. Сохранились примеры требований, которые предъявляли семьи: например, жених должен был быть «силен в написании текстов», а невеста «добродетельна и мудра». Браки заключались среди представителей одного сословия. Если янбан женился на простолудинке или незаконнорожденной дочери другого янбана, он лишался янбанского статуса и права сдавать экзамен на получение должности. При этом наложниц янбане могли брать из разных сословий.

Согласно конфуцианству, брак должен был заключаться с четким соблюдением ритуала. Брачной церемонии предшествовал ряд подготовительных этапов, которые подробно описаны в отечественной науке, поэтому кратко представим лишь основные из них и подробно остановимся на сцене, изображенной на ширме.

Сначала семья жениха сообщала семье невесты о желании заключить брак. Если согласие было получено, родители жениха, узнав имя невесты, просили гадалку проверить, удачным ли будет союз. Затем в дом невесты передавалось мнение гадалки и отправлялось письмо-гарант о намерении заключить брак. После родители жениха запрашивали у гадалки удачную дату для заключения брака и уточняли у родителей невесты, подходит ли им выбранная дата. Сама

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

